

ная необходимость» преобладала над здравым смыслом, действующим законодательством и имеющимися доказательствами.

Провозглашение в СССР системы социалистической законности, основанной на незыблемом государственном авторитете, отраженном в советских законах, предопределило завершение эпохи превалирования революционного правосознания как базиса для принятия судебных решений. В сложившейся ситуации советское государство не представляло возможным мириться со стихийным судебным самоуправством, типичным для первых лет Советской республики.

Новый партийный курс, ориентированный на диктатуру законности, подразумевал акцент законодателя на усиление правовой системы, использование ее в качестве «школы обучения и переобучения ненадежных элементов» и имел целью восстановить среди населения авторитет правовых процедур [11, с. 2].

Источники и литература

1. Декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 г. «О суде» // Собрание Узаконений РСФСР. – 1917. – № 4. – Ст. 50.
2. Декрет ВЦИК от 07.03.1918 г. № 2 «О суде» // Собрание Узаконений РСФСР. – 1918. – № 26. – Ст. 420.
3. Декрет ВЦИК от 30.11.1918 г. «О Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)» // Собрание Узаконений РСФСР. – 1918. – № 85. – Ст. 889.
4. Чельцов-Бебутов, М.А. Социалистическое правосознание и уголовное право революции / М.А. Чельцов-Бебутов. – Харьков: Юридическое издательство НКЮ, 1924. – 92 с.
5. Тарновский, Е.Н. Личный состав и репрессия ревтрибуналов / Е.Н. Тарновский // Ежегодник советской юстиции. – 1922. – № 11. – С. 6-7.
6. Романовская, В.Б. Репрессивные органы в советской России / В.Б. Романовская. – Н. Новгород: НВЗРКУ ПВО, 1996. – 278 с.
7. Постановление IX Всероссийского съезда Советов от 28.12.1921 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1922. – №4. – Ст. 42.
8. Постановление ВЦИК от 28.05.1922 г. «Положение о прокурорском надзоре» // Собрание узаконений РСФСР. – 1922. – №36. – Ст. 424.
9. Исаев, И.А. История государства и права России в вопросах и ответах: учебное пособие / И.А. Исаев. – М.: Проспект, 2012. – 240 с.
10. Сольц, А.А. Революционная законность и наша карательная политика / А.А. Сольц. – М.: «Московский рабочий», 1925. – 126 с.
11. Вышинский, А.Я. Революционная законность и задачи советской защиты / А.Я. Вышинский. – М.: Редакционно-издательский сектор Мособлисполкома, 1934. – 42 с.

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАК СПОСОБ БОРЬБЫ С УГРОЗОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Е.Н. Козинникова

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет МВД России

Революционная ситуация, неоднократно складывавшаяся в Российской империи в конце XIX – начале XX в., потребовала поиска средств сохранения государственного строя. Одним из основных способов, позволяющих нормализовать чрезвычайную обстановку, выходящую из-под контроля органов государственной власти, руководство страны рассматривало правовой режим чрезвычайного положения.

Установлению чрезвычайных правовых режимов всегда предшествует возникновение и негативное, нередко бурное, разрушительное, опасное для личности,

общества и государства, развитие чрезвычайных (исключительных) обстоятельств социально-политического, криминального, революционного или военного характера, а также чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, требующих незамедлительного вмешательства государственности власти [5, с. 152]. Характерными признаками чрезвычайных обстоятельств и чрезвычайных ситуаций, являющихся основаниями для установления различных видов чрезвычайных правовых режимов, являются: масштабность, динамизм развития, общественная опасность, тяжкие последствия для личности, общества и государства, реальные внутренние и внешние угрозы национальной и военной безопасности государства.

Нарастание революционной напряженности в начале 1917 г., открытые массовые выступления населения по поводу неудовлетворенности своим социальным положением, активизация противоправной деятельности радикально настроенных политических партий, нарастание революционного движения и обострение криминальной обстановки вынуждали государственные органы власти использовать весь арсенал чрезвычайных правовых мер, находившийся в их распоряжении [6, с. 53].

Такая ситуация в Российской империи объективно обусловила использование института исключительного положения, получившего свое закрепление в «Положении об особых мерах к ограждению общественного спокойствия» от 1 сентября 1878 г. и «Положении о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. [1].

В тот период общественно-политическая ситуация в Российской империи была крайне напряженной: спустя несколько дней после убийства Александра II, исполнительный комитет «Народной воли» опубликовал письмо, в котором, наряду с констатацией приведения в исполнение приговора императору, содержался ультиматум Александру III об изменении политики правительства, под угрозой революции. Традиционные способы регулирования общественных отношений оказались неспособными стабилизировать положение в стране и ликвидировать социальную напряженность в российском обществе [7, с. 14]. Именно поэтому Александр III предписал «подвергнуть совокупному пересмотру все временные законы, изданные в последнее время, и начертать, взамен сих узаконений, особое «Положение» – Положение «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», указ об издании которого был принят 4 сентября 1881 г. [2].

В этом нормативном правовом акте получил закрепление институт исключительного положения. Первый отдел акта (общие правила) изменял статус министра внутренних дел: теперь он не только мог объявлять требования, подлежащие немедленному исполнению всеми местными органами, но и получил право на отмену распоряжений руководителей местных органов, вплоть до распоряжений генерал-губернаторов и градоначальников [1, с. 261–266].

В тех случаях, когда деятельность против государственного порядка и общественного спокойствия в отдельных местностях принимала угрожающий характер, такие местности могли быть объявлены находящимися в исключительном положении, которое предполагало предоставление власти исключительных полномочий, направленных на ликвидацию обстоятельств, угрожающих изнутри или извне существованию государства [3, с. 74]. Положение «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» закрепило две формы исключительного положения: положение усиленной охраны и положение чрезвычайной охраны. «Преступные посягательства против существующего государственного строя или безопасности частных лиц и их имуществ» [1, с. 262] влекли за собой объявление положения усиленной охраны; приведение же «населения известной местности в тревожное настроение» [1, с. 262] соответствовало положению чрезвычайной охраны.

Объявить положение усиленной охраны имели право министр внутренних дел и генерал-губернатор, решение которого согласовывалось с министром внутренних дел. В Положении «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» были зафиксированы сроки действия исключительного положения: положение усиленной охраны могло действовать один год, после чего требовало либо продления, либо полной отмены с прекращением действия временных актов, изданных в этот период. Положение чрезвычайной охраны действовало в течение 6 месяцев, после чего либо прекращало свое действие, либо в случае необходимости продлевалось.

При объявлении местности в состоянии усиленной охраны административная власть получала особые права по наведению порядка на подчиненной ей территории. Основные права концентрировались в руках генерал-губернаторов, а в неподведомственных им губерниях – в руках губернаторов и градоначальников. Должностные лица, по сути, получали право чрезвычайного нормотворчества. Так, согласно ст. 14–16 Положения они могли «издавать обязательные постановления» и устанавливать за их нарушения взыскания, «не превышающие трехмесячного ареста или денежного штрафа в 500 рублей» [1, с. 263–264]. Кроме того, им было позволено: разрешать в административном порядке дела о нарушениях изданных ими постановлений; запрещать любые собрания (народные, общественные и частные); закрывать на определенный срок или на все время действия состояния усиленной охраны любые торговые и промышленные предприятия; запрещать отдельным личностям пребывание на территории, находящейся в состоянии усиленной охраны, с возможностью их высылки. Генерал-губернаторы, а в не подчиненных им местностях – министр внутренних дел, имели право передать любое уголовное дело на рассмотрение военного суда и требовать его рассмотрения при закрытых дверях. Военный суд по таким делам получал право назначить наказание в виде смертной казни. Утверждение приговора осуществляли генерал-губернаторы, а в не подчиненных им местностях – командующие войсками округа (ст. 17, 18, 19).

Значительно были расширены полномочия местных начальников полиции, начальников жандармских управлений и их помощников: они получили право производить предварительное задержание на срок до двух недель лиц, «внушающих основательное подозрение в совершении государственных преступлений или в прикосновенности к ним, а равно в принадлежности к противозаконным сообществам», а также производить в любое время обыски «во всех без исключения» помещениях, накладывать арест «на всякого рода имущество» (ст. 21).

Объявление местности в состоянии чрезвычайной охраны еще более расширяло полномочия местных органов государственной власти. Но процедура объявления местности в состоянии чрезвычайной охраны была чрезвычайно сложной: министр внутренних дел обращался с представлением в Комитет министров, который должен был выпустить по этому поводу особое положение, требующее утверждения императора. Состояние чрезвычайной охраны вводилось на срок, не более шести месяцев.

Введение в местности состояния чрезвычайной охраны позволяло властям, по сути, полностью обходить судебный порядок рассмотрения дел, а также игнорировать большинство гражданских прав и свобод, которые имелись у населения на тот момент. Идейным обоснованием такой политики являлась доктрина «raison d'état», в соответствии с которой государственная необходимость ставилась выше индивидуальной свободы: если в нормальных условиях государственной и общественной жизни государство признавало и гарантировало индивидуальную свободу, то в условиях чрезвычайных оно жертвовало ею ради интересов безопасности и существования государства.

Видный российский правовед и государственный деятель В. М. Гессен, будучи противником доктрины «raison d'état», отмечал, что в истории человечества данная доктрина сыграла печальную роль: она всегда и везде являлась не более чем теоретическим оправданием необузданного произвола, отрицающего не только право на свободу, но и самое право на существование индивида. Уделяя огромное внимание проблеме правового государства, Гессен подчеркивал, что законодательство правового государства, регулирующее исключительные полномочия власти, должно отвечать двум необходимым условиям: во-первых, оно должно обеспечить действительную исключительность исключительных полномочий, – обеспечить применение этих полномочий только при наличии обстоятельств, действительно чрезвычайных; во-вторых, оно должно ограничить пределом безусловной необходимости объем исключительных полномочий, предоставить правительству столько власти, сколько, действительно, необходимо для спасения государства от угрожающей ему серьезной опасности [4, с. 34].

Нормативные акты, которые регламентировали исключительное положение в России в конце XIX – начале XX в., имели временный и исключительный характер, но по обширности пространств и по долговременности своего применения они получили совершенно непредвиденный характер постоянного законоположения.

Исторический опыт России показал, что длительное использование исключительного режима как способа нейтрализации чрезвычайной общественно-политической ситуации и средства политической профилактики эффективным не является, а в условиях нарастания революционной напряженности объявление территорий находящимися в исключительном положении не может предотвратить трансформаций политико-правовой системы, если при этом не осуществляется серьезного реформирования социально-экономической и политической сфер общественной жизни.

Источники и литература

1. Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г. // Полное собрание Российской империи (далее – ПСЗ РИ). Собрание 3-е. Т. I. СПб., 1885. Ст. 350.
2. Об издании Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия и объявления некоторых местностей Империи в состоянии усиленной охраны от 4 сентября 1881 г. // ПСЗ РИ. Собрание 3-е. Т. I. Ст. 382.
3. Гессен, В. М. Исключительное положение / В. М. Гессен. СПб., 1908.
4. Гессен, В. М. О правовом государстве / В. М. Гессен. СПб., 1906.
5. Нижник, Н. С. Национальная безопасность как социоюридический феномен / Н. С. Нижник // Актуальные проблемы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: Сборник научных статей межвузовской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 15 февраля 2013 года. Ч.1. СПб.: Санкт-Петербургский Военный институт внутренних войск МВД России, 2013. С. 150–159.
6. Нижник Н. С. Российская полицистика о дискурсивном и институциональном наследии эпохи полицейского государства / Н. С. Нижник // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: Материалы Международной научно-практической конференции, 17–18 сентября 2015 г. / Под общ. ред. В. А. Сосова. Краснодар: Издат. дом – Юг, 2015. С. 41–55.
7. Нижник Н. С., Министерство внутренних дел и проблемы институционализации полицейской деятельности в Российской империи / Н. С. Нижник, Е. С. Гугасари // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 53. С. 10–18.